

—

На следующий день, когда Цзинь И вернулся в поместье и пришёл в Фан Мань Тин, Чжаоянь очень серьёзно извинился перед ним и попросил сыграть с ним ещё несколько партий в шахматы. На этот раз Чжаоянь был более сдержан, и хотя он всё равно проиграл, но больше не злился и не жаловался, а очень скромно обращался за советом к своему отцу и дяде Мину.

Цзинь И почувствовал облегчение, посадил Чжаояня себе на колени и очень терпеливо и подробно объяснял ему каждый ход. Только тогда Фу Мин обнаружил, что у Цзинь И действительно такая хорошая память. Хотя их шахматные партии были простыми, запомнить каждую партию целиком — это было очень необычно.

Цзинь И не только стал чаще обедать в Фан Мань Тине, но и каждый вечер после ужина оставался там примерно на час. Фу Мин спокойно принимал это, заваривал ему чашку чая и играл несколько мелодий. Цзинь И говорил, что не понимает музыки, но Фу Мин считал, что у него есть талант в этой области. Хотя он не мог определить мелодию или понять технику игры, но настроение, выраженное Фу Мином через музыку, будь то спокойствие и мягкость, или уединение и меланхолия, — все эти радости и печали он мог угадать одним словом.

Когда Фу Мин в двух словах рассказал об этом, не упоминая личности, Цин Суню, тот покачал головой и сказал: «Человек, о котором ты говоришь, не талантлив в музыке, он просто способен понять того, кто играет. Чжун Цзыци понимал Боя, поэтому они были родственными душами. Они двое, возможно, тоже родственные души».

Фу Мин, услышав это, был удивлён и одновременно рассмеялся. Был ли Цзинь И его родственной душой? Они мало общались, недостаточно хорошо знали друг друга, и из-за тех неловких отношений даже намеренно держали дистанцию. Разве такой человек мог быть родственной душой?

Фу Мин подумал, что хотя он сам и не мог считаться родственной душой Цзинь И, а как насчёт внешнего мира, есть ли у Цзинь И три-пять близких друзей? За исключением общения с родственниками и знакомыми по положению, Фу Мин редко видел, чтобы кто-то приходил в поместье Цзинь, не говоря уже о близких друзьях. Иногда, когда они с Цзинь И непринуждённо беседовали, и речь заходила о чём-то, он мог услышать от него несколько имён, например, что господин Фань из Министерства финансов честен и деятелен, а когда Ань Цзинчжи и Цзя Сюаньсуй один получил повышение, другой понижение, он не знал, радоваться или печалиться... Из этих обрывков слов Фу Мин ничего не мог понять. И их разговоры всегда были поверхностными, никогда не углублялись.

Когда жаркий и влажный июль полностью закончился, и наступил прохладный август, здоровье старой госпожи также улучшилось. Однако пожилая женщина долго болела и всё ещё была слаба, поэтому главные женщины в доме по-прежнему заботились о ней. Из-за того, что нежелательно было шуметь, в этом году в поместье Цзинь не устраивали банкет по случаю праздника середины осени. Старая госпожа приказала, чтобы каждое домохозяйство праздновало по-своему, и каждый, сверху донизу, в соответствии со своим статусом, получил подарки.

В Фан Мань Тине румяная Жэньлань повернулась и спросила Вань Лань и Цай Жуй: «Я так одета, это очень странно?»

Вань Лань засмеялась: «Госпожа, не волнуйтесь, в прошлые годы, когда мы выезжали с

Гунцзы, мы тоже так одевались. На самом деле, вам можно и в женской одежде выходить, но так удобнее. Хотя внимательные люди заметят, но, видя госпожу в таком наряде, они поймут и не станут разоблачать».

Жэньлань, услышав это, немного успокоилась. После того как Фу Мин посмотрел на неё и сказал: «Какой красивый молодой человек», она наконец решила выйти из дома так.

Столица был процветающим городом, ночные рынки работали постоянно, а пятнадцатого числа каждого месяца было особенно оживлённо. Сегодня была середина осени, ночной рынок мог работать до глубокой ночи, и говорили, что он был даже грандиознее, чем в фестиваль Цыси в прошлом месяце.

Жэньлань очень редко выходила из дома, обычно это были визиты к друзьям или сёстрам. Это был первый раз, когда она вышла на улицу без паланкина. Но поскольку Фу Мин был с ней, и старая госпожа жалела её за тяжёлое дежурство во время болезни, она сделала исключение, позволив ей хорошенько повеселиться вне дома.

На этот раз Жэньлань и Фу Мин не взяли с собой служанок, а оставили их развлекаться самим, но несколько охранников следовали за ними на небольшом расстоянии.

Как фермеру, впервые приехавшему в столицу, всё казалось новым. Точно так же и юная госпожа, впервые вышедшая на улицу, была не менее любопытна. Сначала Жэньлань осторожно следовала за Фу Мином, но постепенно интересные уличные лотки привлекли её внимание, а прохожие заставили её то и дело оглядываться. Её шаги стали более непринуждёнными, и Фу Мин, подстраиваясь под неё, намеренно или ненамеренно оберегал её.

Свет фонарей румянил лицо Жэньлань, её улыбка сияла, а глаза светились, словно долго спавший бутон внезапно распустился, яркий и несравненный.

Фу Мин, пытаясь прикрыть ошеломлённую Жэньлань от недоброжелательных взглядов, почувствовал, как кто-то похлопал его по плечу. Он повернул голову, узнал пришедшего и засмеялся: «Братец Лэсюй!»

«Издали показалось, что это ты, и правда ты. Наконец-то встретились сегодня!» — воскликнул Тао Ян со звонким смехом, в его глазах светилась искренняя радость.

Жэньлань, услышав, что кто-то разговаривает с Фу Мином, опустила в руках фонарик, обернулась, и на её губах всё ещё играла лёгкая улыбка.

«Брат Мин», — ласково окликнула она. В шуме голосов Тао Ян почувствовал, что этот голос прямо проник в его сердце, хотя она звала не его.

Фу Мин с улыбкой представил их: «Это мой друг, Тао Ян, вежливое имя Лэсюй, он на несколько лет старше меня».

Жэньлань, подражая мужскому приветствию, поклонилась: «Брат Лэсюй».

Фу Мин указал на Жэньлань: «Это младший брат моего мужа, Цзинь Жэньлань».

«Ху Цзянли и Пи Чжи, Жэнь Цю Лань в качестве украшения*», — имя Жэньлань могло бы подойти и мужчине, но Тао Ян был весьма проницателен. Сразу же он понял, что это девушка, и он знал, что в поместье Цзинь, кроме Цзинь И, не было других прямых наследников

мужского пола в поколении Фу Мина, была только одна дочь, которая, вероятно, и была перед ним. Но он выглядел естественно, с улыбкой ответил поклоном: «Братец Лань». И добавил: «Я только что послал людей арендовать расписную лодку, сначала хотел один по реке погулять, но так удачно встретил вас, братья. Если не против, не хотите ли с вашим скромным братом попить чаю и послушать мелодию?»

[*Я ношу грацилярию и борщевик и вплетаю осеннюю орхидею в качестве украшения. Грацилярия и борщевик – растения. Вплетать орхидею это иероглифы её имени 蘭, Rèn lán, Жэнь Лань.]

Жэньлань посмотрела на Фу Мина, и Фу Мин увидел в её глазах лёгкое нетерпение. Он с улыбкой ответил: «Братец Лэсюй так любезен, было бы невежливо отказаться».

И вот, втроём они отправились к реке.

Расписная лодка уже была арендована, красивая и чистая. На носу два слуги обмахивали веерами, кипятили воду и заваривали чай. В наполовину занавешенной белым тюлем каюте сидела девушка, низко опустив голову и играя на цитре. На квадратном столике стояли свежие фрукты. Всё было готово, осталось только дожждаться гостей.

Трое сели в лодку и расположились в каюте. По обе стороны каюты были окна, через которые можно было любоваться пейзажами по берегам. Ивы защищали берег, бесчисленные фонари освещали бесчисленные ивы, свет фонарей и тени деревьев отражались в воде, простираясь вдаль, создавая впечатление бесконечного извилистого сна. А через воду и берег, шум далёкого рынка становился смутным и неясным, словно мир людей за пределами сна.

Жэньлань слушала, как Тао Ян и Фу Мин непринуждённо болтают, звуки цитры, человеческие голоса и шум вёсел переплетались в её ушах. Чистый лунный свет, льющийся из окна, разбивался на золотые брызги покачивающимися вёслами, танцуя в её глазах, и она постепенно погрузилась в грёзы.

Незаметно голоса двух собеседников затихли. Фу Мин, глядя на Тао Яна, который тоже постепенно погрузился в свои мысли, слегка кашлянул и толкнул его рукой. Тао Ян, прошедший многолетнюю коммерческую закалку и давно научившийся сохранять невозмутимое выражение лица, всё же невольно покраснел.

Фу Мин понял, что здесь нельзя задерживаться, поэтому попрощался с Тао Яном и приготовился увести Жэньлань обратно в поместье.

Тао Ян настоял на том, чтобы их проводить. Расписная лодка пришвартовалась к берегу, и трое по очереди сошли. Тут же с соседней лодки также сошли несколько человек.

Среди них Фу Мин знал двоих: один был Янь Лэ, а другой — его муж, Цзинь И.

Цзинь И сегодня был приглашён, и их группа состояла из четырёх человек, а также Янь Лэ и четырёх актёров и куртизанок, что создавало довольно большой антураж.

Как только две группы встретились, те, кто был знаком друг с другом, почувствовали себя неловко.

Фу Мин не знал, стоит ли подойти и поздороваться, Жэньлань беспокоилась, что её брат её отругает, Янь Лэ хотел подойти и сказать несколько слов Фу Мину, но остановился, Цзинь И же

слегка нахмурился и ничего не сказал.

Внезапно наступившую тишину нарушил один из мужчин в роскошных одеждах из группы Цзинь И. Он шагнул вперёд, посмотрел на Фу Мина и сказал: «Это, должно быть, господин Фу Мин, Фу Гунцзы? В счастливый день свадьбы семьи Цзинь я видел вас один раз за столом, но в тот день вы были в красных одеждах и очень отличались от сегодняшнего дня. Я ошибся? Или, может быть, я не должен называть вас господином, а должен называть — госпожой?»

Собеседник был невежлив, Фу Мин лишь улыбнулся, но не ответил. Раз уж его узнали, он больше не колебался и, посмотрев на Цзинь И, кивнул ему в знак приветствия, а затем улыбнулся Янь Лэ.

Видя, что Цзинь И не собирается представлять его своим спутникам, Фу Мин приготовился увести Жэньлань.

Кто бы мог подумать, что говоривший только что человек всё ещё будет так настойчив: «Раз уж сегодня такая встреча, госпожа Цзинь, зачем так торопиться уходить? Мы только что слышали от Янь Лэ, что госпожа так хорошо играет на цитре, даже лучше, чем он. Интересно, посчастливится ли нам сегодня услышать совместное исполнение самой известной госпожи Фу из столицы и этой лучшей куртизанки?»

Фу Мин ещё не успел ответить, как Янь Лэ сказал: «Господин Цуй, вы слишком смущаете Янь Лэ. Янь Лэ — всего лишь актёр, как я могу играть вместе с Фу Гунцзы?» Янь Лэ в этот момент очень сожалел. Когда только что этот Цуй Жун хвалил его как лучшего музыканта в столице, он должен был согласиться с ним, а не болтать лишнего. Кто бы мог подумать, что он только что упомянул об этом, а уже через мгновение встретил его лично?

Но Цуй Жун, очевидно, не собирался останавливаться на этом. Он отчитал Янь Лэ: «Я разговариваю с госпожой Цзинь, какое у тебя есть право вмешиваться?»

Фу Мин сказал: «Господин только что сам упомянул Янь Лэ, поэтому он, естественно, может вмешаться».

Цуй Жун засмеялся: «Раз госпожа Цзинь так сочувствует этому маленькому актёру, то ей, должно быть, не составит труда сыграть с ним дуэтом, верно?»

Фу Мин, конечно, не хотел. Не потому, что он презирал Янь Лэ, а потому, что он не хотел потакать желаниям человека, который явно насмехался над ним и хотел унижить его.

Тао Ян вмешался, чтобы помочь Фу Мину: «Господин Цуй, Фу Гунцзы — не артист. Если он не желает, зачем вам его заставлять?»

Цуй Жун посмотрел на него и холодно усмехнулся: «Тао, мальчишка из семьи Тао? Это не то место, где ты можешь делать дела за деньги!» Угроза была явно выражена.

Тао Ян, однако, не испугался, сохраняя улыбку, сказал: «Деньги, конечно, не всеильны, и я не собираюсь силой выжимать сладкий сок. Господин Цуй, безусловно, понимает это лучше меня».

Цуй Жун, однако, сделал вид, что не хочет с ним разговаривать, и вместо этого повернулся к Цзинь И: «Брат Цзинь, ваша супруга такая высокомерная. Среди присутствующих, даже если не брать в расчёт моё лицо, разве нет здесь никого, кто был бы достоин ее песни?»

Лицо Цзинь И слегка изменилось, а все остальные, как по команде, посмотрели на другого человека рядом с Цзинь И. Этот человек с самого начала не менял выражения лица, словно наблюдал со стороны или был равнодушен.

После внезапного мгновения молчания Фу Мин внезапно улыбнулся и повернулся к Тао Яну, сказав: «Братец Лэсюй, не мог бы ты одолжить цитру у той девушки, играющей на цитре?»

«Ты...» Тао Ян хотел ещё что-то сказать, но Фу Мин покачал головой и сказал:

«Иди, возьми и сразу возвращайся».

Жэньлань, которая всё это время стояла, опустив голову, увидев, что дело дошло до этого, подошла к Янь Лэ, её голос слегка дрожал, но лицо выглядело спокойным, и спросила: «Могу ли я одолжить вашу пипу?»

Янь Лэ не знал, что она задумала, но она улыбнулась: «Я, возможно, не так хорошо играю на пипе, как вы, но я тоже могу сыграть несколько мелодий. Давайте я сыграю дуэтом с братом Мином».

Янь Лэ посмотрел в глаза Жэньлань, и в них не было презрения. Он знал, что его статус в конце концов не мог быть равен статусу Фу Мина. Сегодня, если бы он действительно сыграл дуэтом с Фу Мином, посторонние люди, говоря хорошо, сказали бы, что Фу Гунцзы не пренебрегает его скромностью и является непринуждённым и беззаботным человеком. Если бы сказали плохо, то назвали бы Фу Гунцзы человеком, не знающим приличий и добровольно унижающим себя. А статус Жэньлань был другим. Хотя мало кто из присутствующих знал, кто она на самом деле, её одежда, манеры, отношение Тао Яна и Фу Мина к ней, а также её собственное поведение говорили о том, что она не опозорит семью Фу Мина. Их совместное выступление не вызвало бы насмешек.

Тао Ян взял цитру и, увидев, что Жэньлань держит пипу и ждёт, был несколько удивлён, но не показал этого, просто передал цитру Фу Мину.

Фу Мин сел на траву у берега, а Тао Ян расстелил свою накидку на земле, чтобы Жэньлань могла сесть. Вдвоём они исполнили мелодию «Осенняя луна над спокойным озером», очень подходящую к случаю и очень приятную для слуха.

Сначала Цуй Жун ещё чувствовал себя недовольным. Ему хотелось послушать музыку лишь для виду, а на самом деле он хотел посмеяться над Фу Мином. Теперь, когда цель не была полностью достигнута, он не хотел сдаваться. Но поскольку некто из высокопоставленных лиц среди них уже высказал слова одобрения, ему оставалось только промолчать и сдаться.

Когда обе группы расходились, Фу Мин и Цзинь И обменялись взглядами. Уголки губ Фу Мина были приподняты в улыбке, но это была не радостная и доброжелательная улыбка. Цзинь И почувствовал, что он словно уловил настроение в этой улыбке, и его сердце слегка сжалось. Но он не стал задерживаться и, не говоря ни слова, просто пошёл вместе со своим спутником.

Возвращаясь в поместье, Жэньлань, видя, что Фу Мин молчит, сказала: «Брат Мин, не сердись, я поговорю об этом со старой госпожой, пусть она отчитает моего старшего брата».

Фу Мин покачал головой: «Старой госпоже только что стало немного лучше, не стоит её огорчать из-за такой мелочи».

Жэньлань вздохнула: «Ты прав, но мой брат так себя повёл, он даже не вступился за тебя,

просто ждал, пока другие посмеются над тобой, брат Мин? Разве так поступают члены семьи, чтобы локоть торчал наружу?»

Фу Мин же сказал: «В таком юном возрасте не учись вздыхать».

«Я просто не могу смириться с этим в душе».

Фу Мин слегка улыбнулся: «Твоей защиты мне уже достаточно». А что касается того, у кого «локоть наружу», считал ли он его действительно частью семьи? Возможно, в его сердце его спутники были более близкими людьми.

—

<http://bllate.org/book/12585/1118416>